

Почему Европа движется вправо?

Так европейцы реагируют на геополитические потрясения и осознают, что политический порядок, сложившийся после 1989 года, разваливается

В преддверии июньских выборов в Европейский парламент правые националисты явно намерены увеличить представительство на континенте, особенно в ключевых странах. Волна шовинизма прокатилась от Португалии до Скандинавии, но ее основным мотором являются крайне правые партии в пяти ключевых странах ЕС, которые отвергли национализм более 70 лет назад.

В Италии Джорджа Мелони, политик с неофашистским прошлым, занимает пост премьер-министра с 2022 года и сохраняет популярность. В Нидерландах партия радикального ксенофоба Герта Вилдерса заняла первое место на выборах в ноябре прошлого года и тоже сохраняет популярность (хотя и не смогла заручиться достаточной поддержкой других партий, чтобы сформировать правительство).

Во Франции партия Марин Ле Пен «Национальное объединение» лидирует в опросах – ее поддерживают почти 30 процентов избирателей. В Бельгии в опросах стала лидировать крайне правая партия «Фламандский блок». А в Германии второй сильнейшей партией становится «Альтернатива для Германии» (AfD). Среди изначальных стран ЕС только крохотный Люксембург может похвастаться сохраняющейся сильной центристской политикой.

*Умеренная стратегия
Мелони оказалась
настолько успешной,
что теперь Ле Пен
открыто ее копирует*

Некоторые из этих партий едва скрывают свои расистские программы, но другие сумели заработать репутацию уважаемых консерваторов. Мелони оказалась прозападной в своей внешней политике и выглядит прагматичной в решении повседневных внутренних вопросов. Умеренная стратегия Мелони оказалась настолько успешной, что теперь Ле Пен открыто ее копирует. Напротив, партия AfD

удваивает ставку на экстремизм.

И все же, когда Мелони недавно спросили об общих факторах, способствующих подъему крайне правых сил во всей Европе, она ответила жестко: «Очевидно, что Европа не соответствует ожиданиям гражданам».

Но так ли это? Иммиграция, экономические трудности, рост неравенства – вот что обычно толкает избирателей в крайности, однако в последние годы эти проблемы отчасти утратили былую остроту. Количество просителей убежища сейчас значительно ниже среднего уровня за последнее десятилетие, и европейские общества приняли миллионы украинских беженцев без особых возражений.

Экономическими факторами тоже нельзя объяснить результаты опросов общественного мнения. Хотя инфляция снизила покупательную способность (особенно в Италии и Германии), Евросоюз находился в гораздо более тяжелых экономических условиях после финансового кризиса 2008 года. Сегодня в большинстве стран ЕС уровень занятости находится на рекордно высоком уровне за несколько десятилетий (включая страны-основательницы союза), а неравенство стало чуть более умеренным. Во Франции индекс Джини (показатель неравенства доходов) снижается с 2010 года, а в большинстве других ключевых стран ЕС наблюдается схожая тенденция.

Всегда найдутся причины для экономического и политического недовольства. В Нидерландах некоторые избиратели обеспокоены тем, что иммигранты станут бременем для системы социального обеспечения и будут конкурировать за недорогое жилье, которого крайне мало. Италия уже давно страдает от экономического застоя и слабых темпов роста, а Германия становится похожей на «больного человека» мировой экономики.

*У большинства крайне
правых партий
рейтинги стали заметно
расти после того, как
Владимир Путин отдал
приказ о нападении на
Украину*

Иными словами, должны быть некие другие подводные течения, повышающие привлекательность правых националистов. И тут есть одна подсказка: у большинства крайне правых партий (и не важно, поддерживают они Россию или нет) рейтинги стали заметно расти после того, как Владимир Путин отдал приказ о нападении на Украину. Возможно, это спровоцировало реакцию, которая выходит за рамки текущих ощущений нестабильности: европейцы

осознали, что политический порядок, сложившийся после Холодной войны, потенциально может рухнуть.

Европейский политический порядок всегда черпал свою легитимность не только во власти или институтах, но и в общих ценностях. По крайней мере, после Венского конгресса (1814-1815 годы) «объединяющей силой» в европейской политике, по мнению Генри Киссинджера, была коллективная вера в идеалы системы. Соответственно, политический порядок в Европе Меттерниха опирался на власть монархов, которые договорились о необходимости подавления буржуазных идеалов. В Европе после Версальского договора (1919 год), напротив, никогда не было особого идеологического единства или общего ощущения легитимности. В конечном итоге это привело к абсолютному хаосу мировой войны.

После Второй мировой войны объединяющая сила вернулась в (Западную) Европу в виде Холодной войны: целью стала минимизация влияния СССР и проведение неуклонной, хотя и медленной, экономической интеграции. После падения Берлинской стены в 1989 году создание единой (политически и экономически либеральной) Европы превратилось в миссию. Европейцы даже решили, что смогут оказывать влияние на весь мир с помощью «эффекта Брюсселя», то есть системы регулирования, которую в интересах упрощения деятельности начинают соблюдать во всем мире. Генеральная стратегия ЕС отражала базовые ценности, которые общество поддерживало, пока они обеспечивали стабильность и процветание.

Однако теперь война Путина против Украины, хаос на Ближнем Востоке и перспектива возвращения Дональда Трампа в Белый Дом подрывают фундамент европейской стабильности. Чувствуя тектонические изменения, избиратели обращаются к партиям, которые традиционно не идентифицировали себя с системой. Опасения, что порядок, возникший после 1989 года, разваливается, заставил избирателей задуматься: «А действительно ли мы, как нам рассказывали, на правильной стороне истории? Нас не обманывали?»

Новейшие геополитические изменения ослабили воспринимаемую легитимность системы. Нападение России на Украину ясно показало, что Европа суверенна лишь частично, а так называемый «эффект Брюсселя» не материализовался, например, в виде глобального перехода к нетто-нулевым выбросам парниковых газов.

Другие крупные страны игнорируют претензии Европы на климатическое лидерство, потому что они знают: у нее нет необходимых технологий. Когда же речь заходит о миграции, ЕС упорно не может найти общие подходы к решению этой проблемы со странами происхождения мигрантов.

Да, иногда кажется, что националисты, подобные Мелони, становятся более умеренными, придя к власти. Но они не принимают ценности системы и могут незаметно менять их. Мелони представляется уверенным в себе городским жителем, красноречивым и поддерживающим Украину, но при этом она незаметно заполняет все возможные бюрократические посты сторонниками своей партии. Кроме того, она проталкивает конституционную реформу, которая похожа на попытку захвата власти (эта реформа серьезно сокращает полномочия президента и парламента), и развивает альянсы со спорными фигурами, например, французским ксенофобом Эриком Земмуром и лидером испанских крайне правых Сантьяго Абаскалем. Наконец, она в хороших отношениях с премьер-министром Венгрии Виктором Орбаном, хотя и критикует его пророссийские наклонности.

Методы Мелони начинают выглядеть как модель для прихода к власти правых националистов и для последующего изменения Евросоюза изнутри. Однако если суть поворота Европы в сторону крайне правых действительно сводится к геополитической нестабильности, тогда тем, кто борется с таким поворотом, следует понять, что ЕС нельзя защитить, опираясь на статус-кво. Придется доказывать, что безопасность и суверенитет требуют усиления политической интеграции.

(c) Project Syndicate 2024

Федерико Фубини

Федерико Фубини (Federico Fubini) – главный редактор газеты Corriere della Sera, автор книги «Вулкан» (Sul Vulcano, Longanesi,

2020).

